

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Академия философии хозяйства**

МАТЕРИАЛЫ

Международной научной конференции

***«Россия на пути к России: концептуальный
поиск и хозяйственная стратегия»***

6–8 декабря 2017 г.

Москва – 2017

Содержание

Россия на пути к России (<i>Ю.М. Осипов</i>)	3
Проект резолюции конференции.....	13
«Cognito и Incognito в познании» (<i>Ю.М. Осипов</i>).....	19

Ю.М. Осипов

Россия на пути к России

«*Россия*» — это не нейтральное название страны, а вполне онтологическое имя, но не только и не столько страны, сколько... э-э... тут надо подумать и разобраться — чего же?.. так вот: метафизической смысловой субстанции — не более и не менее!

Что это за субстанция?

Надо полагать — некое идейно-духовное средоточие (облакообразное ядро), способное не только быть где-то в бытийно-небытийных тайниках мироздания, но и проявлять себя в текущем реальном бытии, производя и сохраняя существующих от поколения к поколению землян, не только человеками вообще, а и какими-то качественно особенными, не такими как все, относящимися и к особым сообществам (массам, совокупностям) — родам, племенам, этносам, народам, расам, ну а затем и к общинам, обществам, государствам, цивилизациям, обладающим своими языками, этносом, культурой, генотипами, архетипами, кодами и т. д., в общем — и в самом деле особенными.

Касательно России выходит, что этим идейно-духовным средоточием, сопряженным и с кое-какой особенной «физикой» (внешностью, органикой, строением тела) является, конечно, *русскость*, носителями которой являются среди людей особые люди — *русские* (как родо-кровные, так и примкнувшие к ним — обрусевшие). Русскость — отсюда и там, а русские — тоже отсюда, но более всего здесь, хотя и русскость тоже здесь, но уже через русских.

Россия как страна, безусловно, пространнее, чем Россия как идейно-духовное образование, но Россия как страна на то и Россия, чтобы нести в себе свое идейно-духовное начало как свою всеохватывающую, хотя и не тотальную, принадлежность.

Россия (Русь) — это и есть качественная суть страны под названием «Россия», а не только характерное обозначение части земного пространства, покрываемой страной Россией.

И ежели говорится о движении России к России, то явно имеется в виду движение страны под названием «Россия» к своей же сути, выражаемой в свою очередь сутью метафизической смысловой субстанции, тоже называемой «Россия», то бишь собственно *российской субстанции*, делающей и сохраняющей Россию именно Россией, ее поддерживающей и от себя не отпускающей — несмотря на большие, если не роковые, бытийно-исторические перипетии, в немалой части антироссийские, переживаемые испокон веку Россией (Русью).

Да, Россия, обречена бытовать со своим органическим антиподом *антиРоссией* как в своем собственном чреве, так и в окружающей Россию среде. Интересно, что со времени, более или менее нам известном, Россия бытует более всего не как собственно российская, а какая-нибудь иная — вовсе и не такая уж российская: то варяжско-рюриковская, то византийско-христианская, то азийско-ордынская, то европо-«немецкая», то интер-коммунистическая, то евро-америко-глобалическая. И сегодня мы наблюдаем «разгулянье» по России западно-цивилизованной-де антиРоссии, совершившей свою антироссийскую революцию 1990-х и захватившей в стране кое-какие господствующие высоты, однако не овладевшей важнейшими из коренных этно-идейно-духовных.

И что тут особенно знаменательно: как и в прежние времена, ни у какой неРоссии (пусть даже и у самой «злой» из антиРоссий) ничего не получается в России ни в плане конечной расправы с Россией, которая всегда упорно выживает и продолжается, пусть даже временно и в каком-нибудь параобразе, ни без России, которая всегда остается в работно-тягловом, включая и военное дело, общестрановом ядре-основании, без которого как раз у на какой-то срок господствующей не-анти-России ничего конструктивного в России и не получается.

Да, это есть: пользование коренной Россией, ее активная эксплуатация, порою над нею и отвратительный гнет, но... рано или поздно случаются обрусевание не-анти-России и новое восстановление России, пусть и в ином облике, но все-таки... *России* — до очередного то ли срыва самой России, то ли ее намеренного подрыва, то ли наглого ее захвата. Неприятно слышать это коренному русскому человеку, но ведь это — факт!

Россия (Русь) всегда есть и бытует в России, но по преимуществу все-таки в Нави, а не в Яви, — и только оттуда — из Нави, она бывает и здесь — в Яви. Почему же так? А все из-за странной неотмирности России, ее идеи,

ее концепции, ее эгрегора, ее сути, как и от невозможности воплотить сию неотмирность в сем мире, полном земной обыденности, обильно ободряемой ныне материализмом, прагматизмом, монетаризмом и постмодернизмом.

Окружающий мир не слишком вдохновляет коренную Россию — она и не находит большого резона шибко обустроиваться на принципах сего мира: изначальная Русь-Россия жаждет чего-то *иного* — то ли возврата к какому-то золотому прошлому, то ли обретения несусветного золотого будущего, но уж никак не позолоченного долларом настоящего.

Россия открыта для любой неземной импровизации, ибо ее ничто, кроме природы, земли и пространства, в этом мире особо и не удерживает.

Однако это не значит, что Россия не стремится к себе самой — ее же влекущей, хотя и не очень-то ей самой известной. Главное тут — постоянное неудовлетворение от самой себя бытующей и текущей и неутолимая жажда *иной России* — еще не бывшей, да и вряд ли вообще возможной.

Неотмирность России — роковая причина неустойчивости России, ее стремления выйти за пределы привычной житейской обыденности. Отсюда и исходная уязвимость России перед лукавой и деловой не-анти-Россией, как и, наоборот, фундаментальная от сей не-анти-России защищенность, пусть и не монолитная, даже временно ослабленная и местами дырявая, но на удивление стойкая, вязкая, упругая, а в итоге — действенная.

Вот и сейчас, по результатам вполне антироссийской революции 1990-х, Россия, вроде бы уже окончательно покоренная и загнанная в глубокую Навь, вдруг вновь поднимается, пронизывая и окрашивая собой лишь формально российскую, а на самом-то деле весьма и весьма нероссийскую, явь.

Разумеется, дело не в движении России назад, к какому-то своему большому историческому, тем более — фантазийному, образу, нет, совсем нет — речь идет об обретении Россией нового исторического образа, но уже не формально, а и вполне существенно, российского.

Что значит российского в современных реалиях?

Понятно, наверное, что не евроамериканского, не китайского, не любого иного из ныне существующих и даже благоденствующих образцов. Россия — вполне самобытная явленность, не собственно европейская и не собственно азийская, даже и не смешанная евразийская, — это — *российская явленность*.

Определить российскость в общем-то невозможно, — она и сама себя толком не знает. Российскость можно только чувствовать, а чувствуя — лишь в нее верить. Россию как Россию осознанно не построить, ибо она создается сама, вполне и трансцендентно. Проект России — проект иномирья, а потому в рамках сего мира Россия не что иное, как *сама себе проект*. Выходит, что не сочинять Россию надо, а дать ей возможность самой раскрыться, расцвести и утвердиться.

И такой шанс вдруг возник перед Россией как по итогам увядшего советско-социалистического пленения, то бишь от него освобождения, пусть и уродливо-безумного, так и в обстановке небывалой открытости России всему планетарному миру, его конкурентной враждебности России, что и предопределяет возможность и необходимость суверенной импровизации именно по российскому, а не какому-то еще варианту: или есть Россия и Россия по своей сути, или никакой вообще России, кроме картографической единицы, называемой «Россией», нет.

Итак, в пространстве России прямо-таки зарождается новый геосубъект, уже не просто носящий имя «Россия», но и по существу складывающийся как Россия. Здесь имеет место как припоминание Россией бывшей своей исторической субъектности, так и созидание уже новой субъектности — XXI века. Если тут и есть какая-то импровизация, то имеющая как, с одной стороны, источниковое обоснование в метафизическом эгрегоре России, так и, с другой — текущее обоснование от современности, мало того, что глобализированной, но и чрезвычайно переменной, к тому же очень и очень относительно России «борческой». Импровизация поэтому вовсе не такая уж и произвольная, хотя в чем-то и своевольная, но все-таки это достаточно субъективно, объективно и трансцендентно творческая импровизация.

Россия вовсе не знает, какой ей стать конкретно, но она знает, что ей надо-таки стать... *Россией — Новой Россией!* И тут важно постоянное справочное обращение к самой себе, пусть и неопределимой, но тем не менее существующей, как и важна неременная корректировка всего создаваемого Россией ради самой себя — прямо относительно трех «С»: *самоопределения, суверенитета, самостояния*. Эти-то три «С-кита» и вытаскивают из России номинальной Россию действительную — и никакого тут другого исхода у нынешней России попросту нет!

Не идти же России вновь под евроамериканский колониальный гнет, как и не растворяться же ей в глобализированном мире, опять же евроамериканском, не натягивать же вновь на себя какие-нибудь заграничные одежды, — нет, нет и нет! — Россия не для того освободилась от тенет сталинизма и морока марксизма, как и, споро вкусив в 1990—2000-е гг. евроамериканского цивилизованного водительства под сенью объективной-де глобализации и по мотивам благодетельного-де глобализма, резко отпрянула от западнизменного «рая», чтобы не воспользоваться открывшейся для нее возможностью и свалившейся на нее необходимостью послужить наконец-то самой себе и обеспечить единственно для себя приемлемый вырыв к самой же себе.

Никакой шибко умозрительный, тщательно разработанный и очень уж конструкционный проект для России не нужен, в особенности, наскоро сфабрикованный по ученым грантам или же выделанный какой-нибудь «авторитетной» менеджериальной прозападной комиссией. Никаких вообще тут придуманных проектов, ибо Россия — *сама себе проект!* Тогда что же — стихия? Нет, вовсе не стихия, а реализация стратегического проективного замысла, рождающегося в голове Верховного Правителя и им шаг за шагом исполняемого, точнее, согласно ему — замыслу — ведущего себя, правление и страну. Разумеется, такой замысел рождается не без предварительных фундаментальных оценок и логических расчетов, но в целом он носит более ориентировочный, чем программный характер, это, во-первых, а во-вторых — замысел в основе своей весьма конспиративен, — время громких, как и тотально-директивных, планов прошло, во всяком случае для России, теперь более приемлема скрытая векторная стратегия — при наличии в России разных «Россий», включая и не-анти-Россию, а также при всесторонней открытости страны в остро конкурентной, если не враждебной, к тому же еще и очень переменной, внешней среде. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация! Однако не тотальная по всей стране, а лишь высшая управленческая, оборонная и, как ни странно, концептуальная.

Перестроить такую страну, как Россия, в любую из возможных сторон очень и очень непросто, в чем пришлось убедиться за последние четверть века гражданам СССР-России. Призывать к большому перестроению можно сколько угодно, даже что-то для этого участливо предлагать, но вот сделать-то что-либо значительное, когда тот же отечественный капитал не слишком

от себя производителен и инновационен, но зато очень меркантилен, присвоителен и жаден, да и бежит, сломя голову, со всеми своими накоплениями за границу, в офшоры; когда частный интерес населения, его активной части, явно преобладает над общественным, общестрановым; когда в стране явная нехватка квалифицированных и дееспособных кадров — управленческих, технических, конструкторских, как и тех же квалифицированных рабочих; когда нравственное состояние «граждан» не отличается, откровенно говоря, не то что потребным качеством, но даже и малой нормой и т. д. и т. п. В общем — в условиях хронического кризиса общества, государства, хозяйства, морали и т. д. действовать широко, с размахом, громогласно и самоуверенно, не то что неумно, а попросту и невозможно — разве лишь святое дело возрождения страны вчистую провалить!

Отсюда не одна интерактивная управленческая осторожность, но и выбор первоочередного из всего необходимого, а главное — возможного, того, чего явно не избежать, на чем непременно сосредоточиться, от чего можно побыстрее получить позитивные результаты, за чем маячат текущее спасение страны и ее суверенное будущее. И верховное правление нацелено, как кажется, на подъем, пусть и не слишком броский, но все-таки исторически обусловленного самой практикой российского бытия давно оправданного действенного ядра России — *военно-оборонного комплекса*, тянувшего за собой и остальную, как бы для него уже и периферийную, часть России.

И явилась вдруг обновленная «оборонка», и возникла новая современная армия, и пошел вперед технический интеллектуализм, и стала вдруг формироваться посреди убогой-де России *Новая Россия — национальная, государственническая, имперская*, и зарделась Россия, и заиграла чудесными палевыми красками, и поднялась в рост, и вдарила во все свои протестные колокола!

Наивно? Конечно, наивно, но ровно в той степени, насколько наивным оказался человеческий мир, опять проморгавший подъем и «взбрык» России, и теперь смотрящий на нее то с наивной ненавистью, то с не менее наивной удовлетворенностью, то с наивной укоризной, а то и с наивным восхищением, мало того, и с наивной надеждой тоже, чуть ли не последней, ибо не хочет человеческий мир ни быть под погибельной Америкой, ни окататься под тенеобразным Китаем, ни сгинуть в лучистом ядерном Армагеддоне!

Нынешний очень грамотный современник не признает и не понимает метафизики (разнообразный бытовой оккультизм, который многие в отечестве ныне признают, хотя и ничего в нем не понимают, — вовсе не метафизика). Россия же — сплошная не то что метафизика, а даже сплошная мистика, лишь абрисно угадываемая метафизической гносеологией. Россия — тайна! Вот почему можно позволить себе лишь некоторые вольные рассуждения о России, ее состоянии и движении, а не дать развернутую и подернутую бесспорными доказательствами фактологическую картину. Онто́с России — за семью печатями, а уж гнозис... э-э... так и вовсе сплошная тьма. Россия — не Шамбала — так ведь о Шамбале хоть сказать что-то можно, а вот о России... что скажешь, если от нее одно сплошное недоумение, да и есть ли она — Россия — как идейно-духовная субстанция, а не зафиксированная на географической карте «спейсовская» конфигурация, а-а?

Что ж, раз нет метафизической России — в головах людских, разумеется, — то остается лишь говорить о России, условно говоря, физической — пространственной, населенческой, страновой.

Однако в этом случае в голову сразу же непрошено лезет типологический вопрос: а что есть Россия как Россия в типологическом плане? Заметим, что вопрос этот хоть вроде бы научный, а ведь по сути-то он вполне... метафизический (как и вся наука физика тоже ведь... метафизика).

Итак, что это за географический «зверь» — Россия?

Крути тут сей субъект пред глазами, не крути, а вылезет все одно — ИМПЕРИЯ!

Да, да, именно так — *империя*, которая, кстати, формировалась еще первыми рюриковичами (вспомним того же храброго Святослава), потом московскими князьями и царями (Иван III — уже фактический император), ну а встала сия империя на ноги уже при Петре Великом (уже как романовская). Разгром Российской империи в революцию 1917 г. оказался лишь большим, но вовсе не смертельным для империи потрясением, — не прошло и двух десятков лет, как империя сталинизмом была вполне восстановлена, пусть и под лукаво продуманным названием «СССР». И опять, уже после развала ирреального СССР и «буржуйского» погрома страны в 1990-х гг., империя вновь на исторической арене, уже как бы и «путинская».

Любопытно, не правда ли? А все дело в том, что либо сказалось восточноевропейское, а затем и европейское государственно-цивилизацион-

ное образование в виде все той же российской империи, либо сего образования вроде нет и быть не может, но оно — это образование — все-таки необходимо, причем как исходно метафизически, так и производно физически, — и с этой-то необходимостью ничего никому не поделаться. Вот и сегодня — опять перед глазами изумленных интеллектуалов... *империя*, пусть и называемая скромно Российской Федерацией, но... ИМПЕРИЯ!

Какая же это империя?

Вовсе не римская, хотя и не без въедливого византизма; не та же британская, ибо не колониальная; не азиатская, хотя и не без известной ордынщины; как и, разумеется, не карфагенская (не финикийская), хотя и не без кое-какой торгово-финансовой карфагенщины.

Это — *российская империя*, вроде бы смешанная по имманентному составу, но все-таки имеющая и свою особенную корневую выраженность — *для-себя-империя* и *сама-себе-империя*, что означает, что сия империя есть не что иное, как особый внутренний строй, может, даже и квази-армейский, когда вокруг не для-себя-произвольное бытование граждан, а гражданское для-империи-служение, когда для граждан главным является не личное благополучие, а благоденствие всей страны, когда гражданин служит империи, а империя служит гражданину.

Вот такая ту своеобразная загвоздочка, господа присяжные и заседатели, ну и судьи с прокурорами и адвокатами тоже.

Представьте себе, господа — неустанные критики и противники России, неимперское устройство и бытие России, что тогда с Россией будет, кроме того, что ее — России — попросту не будет? Имперское устройство и бытие России вовсе не чья-то субъективная прихоть (того же Путина), а объективная метафизическая потребность, как и, кстати, сходное, хоть и в гораздо меньших масштабах, устройство и бытие того же Израиля, только Израиль таков от своей малости и от явной уязвимости от внешнего регионального окружения, а Россия — от своей великости и... нет, не от уязвимости как таковой, а, скорее, от чуть ли не мировой для себя угрозы, вполне, знаете ли, и алчной. Разные тут у двух государств могли быть мотивы, а вот исход все-таки один — *служение, мобилизация, отпор!*

Итак, Россия — империя, а потому и хозяйство ее должно быть не просто в чем-то империяльным, а в целом, знаете ли, *имперским*, то бишь находиться как бы под имперской опекой и в имперской оболочке, что не исключает ни многоукладности, ни частной собственности, ни частного

предпринимательства, ни корпоративной самостоятельности, ни частной инициативности банковской системы, ни автономности регионов, ни... ни... ни, но при всем при этом предполагается и имперский государственно-корпоративный дирижизм, причем осуществляемый непременно из имперского центра; и централизованное проектирование из кое-чего стране потребного; и неперенное исполнение кое-каких национальных проектов; и наличие разного рода производительных, инновационных, творческих и иных национальных комплексов; и бытие национально-государственного научно-исследовательского, конструкторского, внедренческого сектора; и присутствие национально-государственного банковско-финансового сектора, да мало ли еще чего, что необходимо и чего никак не избежать в рамках имперской, вполне и рациональной, организации национального хозяйства. Главное тут — *разнообразие*, подчиненное, однако в той или иной мере *общим национальным интересам и целям*, которые в России по сути как раз и *имперские*, что не значит, что агрессивные, воинственные, захватнические, отнюдь — лишь *внутридомовские*.

«И создала себе империя дом, хранила его, и улучшала, и возвышала» — так было, так есть и так, надо надеяться, будет!

Выходит, что Россия, идя к себе самой, идет к... *империи* — *своей* империи, к ее восстановлению (не в прежних границах, а всего лишь как внутреннего себя обустройства), а, возрождая империю, Россия идет и *к самой себе!*

Нет России без империи, как и нет северо-евразийской империи без России (Руси-России), ее, пардон, метафизики! Вот так! И это не чьи-то, в том числе и автора сих строк, симпатизантные пожелания, это попросту веление самого Бытия-Истории, вовсе и не только российского. Понять бы надо это всем россиянам: *веление Бытия-Истории, причем не только российского!* Лишь империя может спасти и возродить Россию и поставить ее в метафизический центр мира, а тут ведь тоже веление Бытия-Истории, а не какое-то там хотение России, тем более — не ее правительства!

Вот говорят, что, Революция 1917 г., сталинизм, революция 1990-х и т. д. были объективными следствиями своего времени, а вот возрождение российской империльности — для себя самой! — никакое вроде бы не объективное веление времени, — тогда что ж — желание г-на Путина и его команды, разумеется, глубоко де ошибочное? Однако разве трудно заметить,

что Россия вполне вынужденно по внутренним и внешним мотивам и обстоятельствам устремлена сегодня именно к имперской — а не какой-нибудь еще — реализации. Бытие-История буквально выдавливает из России империю, а из империи — Россию. Разве не так?

Да, в России полно всяких проблем, это далеко не благополучная, как это было, к примеру, в недавние 1950—1960-е гг., страна, но, как это уже было в отчаянные 1930—1940-е гг., Россия вновь рвется к империи, ибо так велит не только ее генотипическая интуиция, не только сходное по раздраю историческое время, но и большой общеземный промысел, восходящий напрямую, может, и «кривяком», к высшему и неподвластному человеку Промыслу, обычно заменяемому наукой бессодержательной объективной де закономерностью.

Да, автору сих строк, как и многим его читателям, хорошо известны все вопиющие проблемы, изъяны, пороки, несуразности, преступности современного российского бытия, но ежели мы, соотечественники, не хотим обратиться в энтропийную пыль, может, по-обыденному и счастливую, то будем тогда любезны чувствовать и быть российскими имперцами — творцами как своей, так и мировой истории!

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции

«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»

6-8 декабря 2017 г.

Проведя содержательную дискуссию, конференция пришла к следующим заключительным выводам.

1. Пережив бытийно-историческую катастрофу в виде скоростного распада СССР в 1991 г. и проведенных сверху в 1990-х гг. революционных преобразований прозападного толка, а также попав в зависимость от глобализованного мирового контекста и западного империального центра, Россия, будучи уже Российской Федерацией, нашла в себе силы и возможность вступить на путь освобождения от благоприобретенной опеки из-за рубежа и к началу 2010-х гг. смогла не только заявить о своей претензии на неформальную независимость, фактический суверенитет и реальную самостоятельность, но и добиться восстановления себя как *великой мировой державы*, способной не только к самостоятельному существованию, но и к активному целеположенному участию в происходящих в современном мире геостратегических переменах.

2. Вырыв России из-под глобалического, вполне империального и чуть ли не неокOLONиального, влияния и ее выход на путь самостоятельного бытия не могли не вызвать недовольства и противления со стороны западного контекста и свойственной ему управленческой структуры, что и вылилось сначала в политическое давление на Россию, ее «картинную» диффамацию, а затем и в ведение против России, хоть и официально не объявленной, но вполне себе реальной, пусть и лукаво называемой «гибридной» войны. Россия бытует сегодня в обстановке многофакторной войны, почти что круговой обороны, вынужденной мобилизации, непрерывного отпора и, по возможности, дерзкого наступления!

3. Активно-суверенная позиция России, вызывающая яростное раздражение на Западе, прежде всего в США, получает поддержку в незападном мире, настолько уже определенную и значимую, что нынешняя Россия в своем государственно-цивилизационном формате оказалась, пусть и весьма для себя неожиданно, в положении концептуально-геостратегического центра планетарного мира, даже и в роли одного из акторов роковых перемен, сопряженных с надвигающимся закатом «передового Запада» и нарастающим подъемом «отставшего неЗапада».

4. Россия сегодня далеко не идеальная страна, более того — все еще органически кризисная; она продолжает нести на себе адскую печать 1990-х, еле-еле, шаг за шагом от нее избавляясь, однако Россия уже идет, пусть и не очень определенно и решительно, по постреформенному пути, сворачивая с навязанного ей 1990-ми *пореформенного* трека. Постреформенное перестроение страны так или иначе имеет место, главным образом через посредство сердцевинного стратегического хозяйственно-политического ядра — «оборонку» и армию, как и некоторые иные стратегические участки и отрасли, но в целом по стране перестроение идет пока не слишком радикально и масштабно. Тут сказывается не только пагубное наследие 1990-х, но и странная, почти что и болезненная, нерешительность правящего центра, так и не определившегося относительно будущего образа новой России и способа к нему неуклонного движения. Правящий центр как будто бы не очень-то уверен в себе, не видит ясной перспективы для страны и не слишком-то полагается на наличествующее в стране гражданское население.

5. Конференция отдает себе отчет в том, что у России нет другого бытийно-исторического выхода и иного геостратегического выбора, кроме как *идти к себе*, обретая *саму себя*, не отбрасывая при этом огульно ничего из наследного и так или иначе вошедшего в концепцию исторической России, не пренебрегая никаким полезным внешним опытом, но непременно вырабатывая в вольном цивилизационном движении новый абрис страны, соответствующий ее интегральному бытийно-историческому предназначению. Конференция не выступает за немедленную разработку какого-либо умо-зрительного проекта новой России, ибо Россия — *сама-себе-проект*, но

конференция считает необходимым вести концептуальный поиск ради новой России, акцентируя внимание на парадигмальной специфике России, ее бытийно-исторической особенности, причем при условии идейно-духовной открытости России всему миру, разумеется, открытости в идейно-стратегическом аспекте фильтрационной.

6. Постичь качественную специфику России совсем не просто, если не невозможно, ибо тут не просто познавательная неопределенность и логическая неуловимость, чему не может помочь ни одна типологическая классификация, но и тот необыкновенный факт, что и сама Россия... не знает саму себя, а лишь себя трансцендентно... *чувствует*, не будучи ни Европой в западном исполнении, ни Азией в восточном исполнении, ни, естественно, южной или сугубо северной по типу страной. «Умом Россию не понять... в Россию можно только верить», — прозорливо вывел великий русский поэт-мыслитель. Да, именно так: не понять, быть может, но... *верить!*

7. Однако дело не в одной вере в Россию, а и кое в чем другом: без собственно России как России никакой страны России, никаких россиян и собственно русских, даже и нынешних умопомрачительных олигархов, попросту нет и не будет. Россия — *неизбежность!* Ничего более ценного, чем Россия, ни у кого из бытующих в России землян нет! И именно вот *такой* России — неотмирной, неопределенной, непонятной, статуарной, изменчивой, колеблющейся, странной, изнурительной, мало того, непременно северо-евразийской по основному своему ноосферному местоположению: между собственно Западом, собственно Востоком и собственно Югом, как бы в высшем сегменте планетарного мира, в его сакральном намерении.

8. Идея России — *сама Россия!* Не патриотизм, не справедливость, даже не как таковая правда. Это хоть и важные, но все-таки сопутствующие, да и всего лишь субъективно желательные, вещи. Искомая концепция России — *сама же Россия!* Поймем же это: не Европа, не США, не Азия, не Китай, не Латинская Америка, не та же Бразилия, не Африка, не Алжир, не Нигерия, не Кения, не ЮАР, ну и не Австралия с Новой Зеландией, а именно — Россия, даже не Украина с Белоруссией, не Казахстан, не Узбекистан, не Грузия с Арменией и Азербайджаном. Даже православие — не главная идея России — и не потому что Россия многоконфессиональна, и не

потому что есть и другие православные (ортодоксально-христианские) страны, и не потому что православность некоторых не мешает им активно русофобствовать и даже воевать с Россией, а потому что корневая конфессия для России — *сама Россия! Россия как раз и есть наша первая и последняя вера!*

9. «*Вперед — Россия!*». Правильный лозунг. Но вот куда же вперед? Ответ: к России, хотя и в образе новой России. Каков же тут волшебный проверочный критерий? Он прост: «Страна и Я, Я и страна — одно и то же!». «Прошлое России во мне, настоящее со мной, а ее будущее — за мной». Вот и феномен метафизической соборности, а соборность (вовсе не диктатура и не демократия) это как раз и есть основная социально-государственно-цивилизационная особенность России. Главное для адептов — не обыденное проживание на земле (богатое или бедное), а верное служение земле — родной земле и всей земле сразу. «*Я — в России, а Россия — во мне!*». Отрицать Россию в России — сущее суицидное безумие! Полагать, а не отрицать Россию надо, причем полагать не так ловким и правильным-де умом, как неловко, зато праведным сердцем, — не сердце тут от ума, а ум — от сердца!

10. Россия — не просто большая страна, это целый мир — большой, разнообразный, богатый не только землями, природными и человеческими ресурсами, но и культурой, цивилизацией, государственностью, как и словом, преданием, образованием, наукой, философией, вообще мыслью, мудростью, ну и, разумеется, историей. Россия самодостаточна, но не в плане самоизоляции, а в аспекте целостной «цветущей сложности». Россия открыта для международной взаимности, не исключаяющей даже и кое-каких приемлемых заимствований из-за рубежа, но Россия — полноценное целое, — что-то вроде планеты, даже не континента.

11. Россия развилась из русского зерна в большую Россию как *империя*. Имперскость России вовсе не только от ее обширности, распространенности, вообще не от пространственной размерности. Будучи в какой-то мере и в каких-то чертах наследницей Византийской и Ордынской империй, Россия *сама по себе* империя, что обусловлено прежде всего вовсе не укромным и

не безопасным ее местоположением сначала на Восточно-Европейской равнине, требовавшей имперской организации доминировавшего на равнине социума (иначе не выжить!), а позднее уже в гигантском северо-евразийском пространстве, могущем быть освоенным и управляемым на основе и в рамках лишь имперского обустройства. И сегодня Россия не что иное, как империя, переживающая после распада СССР и революционной смены социохозяйственного режима и некоторых цивилизационных устоев весьма чувствительный внутренний кризис с непрекращающимся внешним негативным на себя давлением, но — *империя!*

12. Слово «империя» ныне не в почете в отечественных интеллектуальных кругах и чуть ли не под запретом в официальных, но... Бытие-История на то и Бытие-История, хоть и творимое человеком, но и творимое самим же собою — метафизически и трансцендентно, следственно, и независимо от человека, — и вот оно-то — Бытие-История — и предназначает (предписывает) России быть империей, иметь имперское строение, витальную начинку и судьбу. И ежели говорить о том же хозяйственном образе России, то и он не может не быть именно имперским. Россия должна вести и ведет, несмотря ни на что, *имперское хозяйство*. Даже революции в России за ту же последнюю сотню лет, включая и последнюю революцию — 1990-х, носят имперский характер, ну и антиреволюции тоже, включая и текущую крипто-антиреволюцию 2000-х.

13. Имперское хозяйство — хозяйство с имперским центром, имперским государственно-корпоративным комплексом, имперским денежно-финансовым комплексом и имперским из центра социохозяйственным дирижизмом, что не означает, что без укладного многообразия, частной собственности и частного предпринимательства, социохозяйственной активности регионов, вообще без частной свободы и инициативы. В такой стране, как Россия, которая не просто страна, а целый империальный мир, нельзя полагаться, учитывая еще и не самый дружественный к России внешний контекст, на сугубо частное хозяйствование, на свободную экономику, открытые границы, на «эффективность рынка» и т. п. вещи, не исключая и популистской демократии вместо имперской соборности, а потому Россия обречена на доминирование в социохозяйственной жизни имперского начала,

обеспечившего ей, кстати, не одни лишь военные победы, но и ту же великую победу в космосе.

14. Конференция, не имея никаких особых идейно-политических амбиций, не будучи на стороне каких-либо конкретных учений и общественных движений, высказывается лишь за адекватное восприятие существующей бытийно-исторической реальности, от которой никому и никуда не уйти, несмотря на любые идеологические, политические и религиозные предпочтения. Конференция исходит из нейтральности гнозиса и объективности онто-тоса, что то же самое — из реальности объекта и реалистичности субъекта — объекта и субъекта рассмотрения, осмысления и обоснованного суждения.

15. В материалах конференции содержится немалое число конкретных оценок, характеристических картинок, предложений и рекомендаций, которые ни для кого не являются секретом и способны послужить всестороннему раскрытию сложной актуальной проблематики, затронутой конференцией, а потому в резолюции сосредоточено внимание лишь на главном — *онтологически и исторически обоснованном концептуировании*, чего в стране, в ее интеллектуальных кругах и на гребне высшей власти, как кажется, явно не хватает. Однако *Россия зовет* — и зовет к *России*, к *Новой России*, как раз к той самой новой России, что должна подняться в ходе тектонических перемен, корежащих ныне всё планетарное бытие — идя к себе как по вектору сих крутых перемен, так и ему вопреки!

Ю.М. Осипов

«Cognito и Incognito в познании»

Приглашение к размышлению

8 декабря 2017 г.

Суть дела здесь в неразрывности «Cognito» и «Incognito», причем не только в ходе собственно познания, когда первое познает-де второе, его сокращая, если не уничтожая, и как бы подверстывая под себя, но и в том, что, во-первых, «Cognito» *всегда* остается в чем-то «Incognito», а во-вторых, «Incognito» никуда из-за действия «Cognito» не исчезает, а остается себе и остается, ничуть при этом не становясь «Cognito», вовсе перед «Cognito» не смущаясь и никак перед ним не отчитываясь.

«Incognito» больше и сильнее «Cognito», ибо «Cognito» — при всем своем знании себя — не знает вполне самое главное — «Cognito» ли оно, а ежели и «Cognito», то... истинное ли?

Вполне истинно-то ведь вовсе не «Cognito», а как раз «Incognito», хотя «Cognito» служит больше сознанию, его собою заполняя, хотя вполне, конечно, его не покрывая (сознание — та еще неизвестность!).

Итак: «Incognito» — не так то, что *еще* не известно, как то, что *в принципе неизвестно* и вполне известным *никогда* не будет, хотя само обозначение его через «Incognito» — уже кое-какая о нем весть, то бишь и кое-какая известность.

И все бы ничего, если б бытие-история творилось (самотворилось!) без участия «Incognito», а то ведь нет: мало того, что творится с ним в союзе, но еще и при его решающем для бытия-истории деятельском значении!

Вот те раз! Зачем же тогда все это «Cognito», ежели бытие-история творится не так с ним, как не с ним, то бишь с «Incognito».

А вот в этом-то как раз и состоит вся *миро-немиро-зданческая-незданческая* сакральная забава: бытие-история, всюю вроде бы творимое человеком, вооруженным «Cognito», идет себе и идет по треку, окучиваемому полным метафизическим, а то и мистическим «Incognito», — и ничего-то homo

sapiens не «знает» и «знать» не должен! Вот она — главная заглазочка загадочного человеческого пребывания на этом загадочном свете!

И что поразительно: мало того, что человек не знает своего будущего, как и то, что он, зная вроде бы чуть ли не все свое прошлое, не знает в точности, что же он творит на Земле в настоящем — из судьбоносного, так он еще не может — при всем своем интеллекте и всех своих познаниях — ничего вполне понять и толком объяснить из своего фактического-де бытия-истории — ни прошлого, ни настоящего, а уж о будущем и говорить не приходится, более того, человек вообще ничего из главного *не знает* — и это очень хорошо, ибо тогда бы не было ни человека, ни его безумного творчества, ни даже самого бытия-истории, вообще бы ничего не было, включая и «Incognito».

И все-таки у нас речь о познании, к которому одинаково цепко приклеены «Cognito» и «Incognito». Что ж, есть точное знание, полуточное, неточное, выдуманное, ложное, лживое, даже и попросту пустое. Все это есть, ибо в переплетении с «Cognito» навязчиво бытует, как бы и не бытуя, «Incognito», которое и наводит устойчивую прозрачную тень незнания на словесно-бессловесный плетень человеческого знания, превращая знание, мало того, что в недознание, квазизнание, паразнание, а то и прямо-таки в *незнание*. Лукавая тут выходит тенёвочка!

Да, о материализованном (как человеку кажется) мире человек вкупе с обыденным опытом и специальной наукой выказал немало верного (приемлемого), вполне вроде бы адекватного физическому онтосу. Что же касается всего нематериализованного, или же нефизического, — вроде того же сознания, мысли, слова, смысла, да и вообще человека, его бытия-истории, не говоря уже о чем-то вообще иномирном, человек размышляющий не то чтобы перед этим пасует, а вынужден идти по пути чистой мифологизации, а потому и некоего весьма условного знания, которое при этом оказывается и весьма безусловным незнанием.

Главное же из гуманитарно-специального онтоса — все нефизическое (идеальное, духовное, эфирное) явно ускользает от человека познающего — в этом-то и состоит главная гносеологическая проблема познания, что не

значит, что из сего гносеологического казуса вообще нет никакого приемлемого выхода.

Многое, что человек за многие века наговорил о себе, о бытии-истории, о сознании, о разуме, о слове, о мысли, о смыслах, как и о той же трансценденции, так или иначе устраивает человека мыслящего и познающего, мало того, вполне и работает, творит, созидает, вытворяет, поэтому выступает как не то чтобы точное и всюду достоверное знание, а как знание подходящее, приемлемое, принимаемое и адекватное реальности, практически и не мифологизированное.

Однако проблема знания-незнания, или «Cognito» — «Incognito», в связи с познанием все равно остается, что особенно чувствуется в переломные, резко фуркационные, ускоренно турбулентные, хаотические, при этом и интенсивно искрящиеся моменты бытия-истории, когда только что казавшееся вполне приемлемым и достоверным представление о реальности вдруг оказывается не просто не адекватным реальности, а вполне себе и ложным, если не попросту лживым.

В эти же обостренно гносеологические моменты неизбежно всплывает не просто неизбывное «Incognito», а и стоящая за ним *Великая Неизвестность* — главенствующая, доминирующая, управляющая, решающая, ну и, как водится, внушающая немалый страх в умы и души сторонников безупречного и эффективного «Cognito».

Да-а, в такие моменты (патомоменты!) возникает прямо-таки революционное столкновение между обыденным, пусть и научно-де обоснованным, гнозисом и необыденным, пусть наукой в решающей части и отвергаемым, онтосом, как и между привычным, ласкающим ученый слух «Cognito» и внезапно взбунтовавшимся, вполне и отвратительным «Incognito». Человеку знающему приходится, скрепя ум, сердце и душу, убеждаться в своем незнании, непонимании и необъяснении вокруг онтологически происходящего, правда, питая при этом надежду на новое гносеологическое решение, новую аксиоматику, новую парадигму, а фактически-то на новый наукообразный *миф*.

Перейдем к примерам.

1. *Что есть экономика и как она работает?* Разве она такова и так она работает, как это представлено в экономическом «Cognito»? Нет, конечно, не очень-то она такова, и не слишком так она работает, а... как предположено более всего... э-э... экономическим «Incognito». Вот те раз — приехали! Но ничего не поделать, ибо экономическое неизвестное обширнее и сильнее экономического известного, — и чтобы что-то понять в экономике и ее движении, надо не просто принять во внимание наличие сего неизвестного, а и учесть его при попытке какого бы то ни было адекватного понимания экономической реальности, сплошь, знаете ли, ирреальной.

2. *Великая российская революция 1917 г. и многих последующих лет.* Что это было, почему и для чего, с какими замыслами, последствиями и историческими итогами, ЗАЧЕМ? Много бытует версий, доводов, аргументаций, даже теорий, разумеется, и прямо противоположных, но полноценного ведения, понимания и объяснения так и нет, да и быть не может, ибо, во-первых, такого рода иррациональные в основе события не подлежат сугубо рациональному обоснованию; во-вторых, фактологическая часть, сама ведь не слишком достоверная, а весьма приблизительная и путанная, попросту не отвечает на такие вопросы, ибо не она ведь командует бытийно-историческим парадом, а многоголосая трансцендентная тишина; в-третьих, истинная мотивация таких событий уходит не просто в глубины бытия-истории, а в его неведомую, неизвестную и просто так не объяснимую даль, легко уходя и от «Cognito» и не менее легко погружаясь в ненавистное «Incognito». И ежели и говорить о той же Великой российской революции, то за гранью «Cognito» и на грани «Incognito» — мало того, что метафизически, но и ничего определенного в общем-то не говоря, как бы и молча. А все почему: мало того, что конвульсия, судорога, кома, еще и безумие, помрачение, сумасшествие, а как их — вещие вещи — втащить в науку — столь логично-системно-модельно-механическую?

3. *Ободряемый советско-социалистической коммунистической фразеологией и едва прикрытой «демо-крато-центрической» однопартийной вуалью сталинизм* — этатический, тотальный, милитаризованный, ордынский, им-

перский: что это было за дитя Революции 1917 г., а может, дитя уже и контр-революции, поднимавшее из руин, через диктатуру и мобилизацию масс, постреволуционную страну, нещадно переделывая на новый лад, восстанавливая при этом и историческую империю, нарочито не говоря о ее российской, держа историческую Россию под режимным спудом (как бы в гигантской «шарашке»), однако ее полноценно эксплуатируя и ею плодотворно пользуясь. И опять вылезает из гносеологических щелей мало-мальски экспликативная метафизика со всем своим уже нарочитым «Incognito», ибо как это все «сталинское» всерьез и надолго объяснить: насилие, диктат, жестокость, а попутно — массовый энтузиазм, трудолюбие, служение, самоотверженность, ну и победа, победа, победа?.. Да, сначала дичайшее от высокой культуры выворачивание бытия-истории наизнанку, вплоть до самой преисподней, а потом... потом неизбежное *выворачивание вывернутого*, но, увы, вовсе не такое уж благостойное. Отчего так в бытии-истории вообще и в бытии-истории той же России, почему и зачем — с такими пертурбациями и жертвами? Вот оно — «Incognito», уверенно и прочно подпирающее расшатанное донельзя «Cognito»!

4. *Текущая современность*. Кому из сторонников правоверного «Cognito» что-либо понятно и объяснимо в происходящих на их глазах бытийно-исторических событиях-происшествиях, в особенности последних: безумственного (от социально-дискультурной деменции, надо полагать) заката США со всем их Западом и невозможного подъема мало того, что России, но даже и... что уж совсем не допустимо для ясного рационализма... *России как России?* Не работает ли тут окаянная трансценденция со своим неразлучным метафизическим «другарем» — «Incognito», а-а?

«Метили в СССР, а попали в Россию» — хорошо! А теперь вот: «Попали вроде бы в Россию, а она, как и после той, еще 1917 г., антироссийской революции вновь тут как тут, причем, что совсем уж не хорошо, в новых цивилизованных одеждах, однако, что уже попросту сплошной ужас... в исторически имперских!» да еще в явной конфронтации с США и Западом, чуть ли не в тотальной войне! Как, почему, зачем? Не спросить ли и в самом деле у «Incognito»?

Примеры можно приводить и приводить, их не просто много, их слишком много, можно сказать — море! Все вообще гуманитарно-социально-культурное «Cognito» является тут примером, причем вкупе с скрывающимся за ним и втихомолку над ним посмеивающимся «Incognito».

И какой же тут гносеологический выход? Во-первых, признать «Incognito», причем не за пока еще неизвестное, а, если хотите, за учрежденное навечно в мироздании навсегда-неизвестное; во-вторых, не просто иметь в виду «Incognito», хотя и это уже замечательно, а заходить на «Cognito», его углубляя и расширяя, через посредство как раз «Incognito», с его стороны, его участием и поддержкой, весьма обогащая тем самым, а во-все не обедняя «Cognito»; в-третьих, иметь в виду, что там, где царствует «Incognito», там-то все самое главное, оно же и судьбоносное, и творится, выставляясь наяву, но зато выставляя играючи все поверхностно-феноменально-фактологическое на действительную-де бытийно-историческую арену; в-четвертых, осознавать все сие непотребное в связи с «Incognito» не поисково-аргументационно, а вообразительно-откровенчески, не через говорение более всего, а через молчание, однако в самом что ни на есть красноречивом молчании («Вы же понимаете, господа, что миром правит... э-э... *безумие*, за которым скрывается треклятая трансценденция — что об этом велеречиво говорить?»); в-пятых, попробовать представить себе Бытие-Историю без и вне... *безумия*, что ситуационного, что событийного, что поведенческого, что, пардон, творческого, а при полной при этом гносеологической неудаче понять, наконец-то, что «Incognito» и в самом деле больше, сильнее и даже моментами конструктивнее «Cognito»!

Для размышлений и заметок